

Это было шоу, достойное объектива кинокамеры. Сначала я смеялась. Георгий Михайлович деликатно проигнорировал громкое имя моего коллеги и его издания и полушутливо отпирался: "Зачем вы меня ангажируете! Я "цас" вспылю!" Постепенно разговор раздражал артиста все сильнее, но он оставался вежлив, отмахиваясь от реплик, как от жужжащей мухи. Юноша не унимался — не хотелось ударить в грязь лицом перед начинающей корреспонденткой. Он придумывал все новые и новые аргументы, буквально прижав Вицина к стене и не давая ему пройти. Но ни высокопарные речи, ни лесть, ни просьбы от имени обделенных читателей не возымели никакого действия. Даже заступничество Моргунова не помогло. Я уже была готова провалиться сквозь землю от стыда — навязчивость наша перешла всякие границы. Зажатый в угол Георгий Михайлович откровенно сердился. И тут мой оратор выдал последний, самый нелепый пассаж: "Георгий Михайлович, посмотрите на эту девушку. Она только начинает работать в газете. Интервью с вами — для нее настоящий шанс в жизни, неужели вам сложно ей помочь?" И тут случилось чудо. Глянув в мои распахнутые от ужаса глаза, Вицин тяжело вздохнул, улыбнулся и согласился: "Ну разве что по телефону я еще могу, потому что не нужно будет брюки надевать, бриться".

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Удивительное дело. Актеры по многим причинам дают интервью: у одних честолобие, у других желание высказаться, у третьих коммерческий или профессиональный интерес. Георгий Михайлович Вицин изменил свое решение только по одной причине — он не мог отказать в помощи совершенно неизвестной ему девушке. Может быть, сравнение не в мою пользу, но точно так же он не мог пройти мимо замерзающей собаки. Именно поэтому в его доме появился любимый пес Мальчик: "Лежал возле теплостранли, такой хилый, несчастный, а я мимо проходил. Дай, думаю, угощу сосиской. А потом — чего ж сосиску-то? Надо бы его забрать отсюда".

Наше телефонное интервью растянулось на три разговора. Он довольно быстро уставал от расспросов: "Хватит на сегодня, надо заканчивать, а то уже трясутся у меня эти — поджилки!" Я звонила на следующий день и слышала его добродушно-обреченное приветствие: "А, живодерка! Здравсьте!" И чем дольше мы говорили, тем чаще звучал его, вицинский, тоненький смешок в трубку. Сразу представлялись мелко моргающие глазки "под дурачка" и характерный кокетливый жест рукой.

Отрывки из того интервью 1996 года мы публикуем сегодня.

— Георгий Михайлович, вас не коробит то, что вам, народному артисту, приходится фотографироваться со зрителями в антракте?

— А что тут может покоробить? Это удовольствие для них, и мне приятно. Они с любовью бросаются на меня, обнимают, целуют, вручают цветы. Хотя я и непьющий, но и четвертинку иногда принесут, и коньяк, и другие бутылки.

— Что вызывает у вас положительные эмоции?

— Не давать интервью. И не вылезать на общественное обсуждение на старости лет. У меня это с детства, как потребность организма: я всегда прятался. Я же не давал ни одного серьезного интервью. Все то, что я давал, — вранье. Человек не врет только сам себе.

— Как же с таким характером вы пошли в актеры?

— А это — лечение. Средство избавиться от комплекса. Я инстинктивно почувствовал, что надо научиться выступать. В первые годы на сцене я даже голоса своего боялся.

— А как начиналась ваша актерская карьера?

— Я закончил училище второго МХАТа. Слышали про такой? Но как-то раз в Москву приехал Постышев. Он якобы сказал Сталину: "Чтой-то у вас в Москве целых два МХАТа, а у нас на Украине — ни одного?" Сталин взял да и подарил ему наш театр. Труппу поставили перед выбором: или в кратчайшие сроки собрать вещички и перебраться на новое место работы в Киев, или театр расформируется. Ночь мы сидели, думали, курили. И все же решили не уезжать. Так перестал существовать второй МХАТ, а в газете "Правда" появилась торжествующая статья — что расформирован театр, созданный неким отщепенцем Михаилом Чеховым, который прививал народу мистику и все такое прочее.

— Говорят, вы страстный любитель книг и покупаете их в неизменных количествах. Какую библиотеку собираете?

— Я не люблю покупать эти бес-цель-ные бест-сел-леры. Я люблю афоризмы: чтоб коротко и чтоб глаза не очень тратить. Вообще я такие книжки читаю, чтобы можно было открыть на любой странице — и там все умное, все мудрое. Не надо ни начала, ни конца. Не люблю романов, диалогов.

— Скажите, а когда вы тащили кавказскую пленницу в спальном мешке, там внутри — Наталья Варлей была?

— Конечно, Варлей. Мы ее шекотали кто как мог, чтоб она извивалась натуральнее. Вообще у Гайдая многое построено на актерских находках.

— Какие из них — ваши?

— Когда за нами на дрезине гнался Шурик, сценку с огурцом — я придумал. Я пуляю из рогатки, огурец осыпается в руках, а рогатка улетает. Или когда мы с Варлей бегаем вокруг камня, у нее падает шарф, и я испуганно шархаюсь от этого шарфа. Вроде бы мелочь, но почему-то зрители очень хорошо этот момент запомнили. А я просто шел от образа — раз Трус, значит, должен всего бояться, даже шарфика. Но самая моя любимая находка — это "стоять насмерть!". Помните, когда мы втроих, взявшись за руки, дорого Шурику перегородили? И я бысю в конвульсиях между Моргуновым и Никулиным. Вот мне до сих пор эту сценку напоминают.

— А почему вы самолетов боитесь?

— Я не боюсь, чего мне бояться. Сначала — да, боялся, потому что мать была жива. Были мысли: лучше не лететь, лучше я поездом поеду. А теперь думаю: это счастливый случай, чтобы самолет свалился.

— Вот еще! Почему?!

— Да надо вовремя уйти из жизни. А так — самый лучший способ ухода. Никаких забот ни для родственников, ни для тебя. В моем возрасте — это одно удовольствие, потому что я вовремя не смылся из этой странной выдумки — жизнь. Это ведь дьявольская выдумка!

Георгий Михайлович произносил эти слова без всякого пафоса или надерыва. Лукаво посмеивался, словно дразнил. Я так и не поняла — шутит или всерьез. Он умел даже о смерти говорить с иронией.

Моск. кинокамера - 2001-240кФ. - с. 1, 4.

22 октября около четырех часов дня ушел из жизни народный артист СССР Георгий Михайлович Вицин. Гражданская панихида состоится 25 октября в 12.00 в Доме кино. Он завещал, чтобы его похоронили в Переделкине. Георгий Вицин родился 23 апреля 1918 года. Закончил театральное училище при 2-м МХАТе, работал в Театре-студии Николая Хмелева, затем в Театре им. М.Н.Ермоловой (с 1936 по 1969 год), потом перешел в Театр-студию киноактера. Сыграл в 88 фильмах ("Двенадцатая ночь", "Женитьба Бальзаминова", "Джентльмены удачи", "Самогонщики", "Операция "Ы" и другие приключения Шурика", "Кавказская пленница"). С 1994 года не снимался, последняя картина — "Хаги Траггер".

СВЯТОЙ ГЕОРГИЙ

Вицин считал жизнь дьявольской выдумкой

Великим актером Вицина называли еще при жизни — уникальный в нашей стране случай. Не знаю, осознавал ли сам Георгий Михайлович, что он действительно великий. По крайней мере слово это ну никак к нему не клеилось.

В нем было так мало традиционных актерских качеств. Не было самолюбования, пиджонства, сибаритства, эпатажа, вальжанности. Зато он обладал свойством, совершенно чуждым большинству его коллег, — Вицин всегда с иронией относился к самому себе. Даже на пике популярности и народного обожания оставаясь тем же застенчивым, смешливым и необыкновенно добрым человеком. Он увлекся йогой и живописью. И любил повторять, что юмор вот уже много лет подряд спасает его от самоубийства.

Однажды мне улыбнулась удача — Георгий Михайлович Вицин согласился на разговор. Это было самое необыкновенное интервью на моей памяти.

В 1996 году Вицин выступал в антрепризной программе "Вокруг смеха" — "сборной солянке" артистов всех мастей. А в антракте самые яркие звезды программы — Георгий Вицин и Евгений Моргунов — фотографировались со зрителями в фойе театра. Точно помню — полароидный снимок в компании Труса и Бывалого стоил 75 тысяч рублей. Сейчас трудно представить себе актеров такого масштаба, выступающих в качестве фона для памятной фотографии на коммерческой основе. Но тогда время было иное. С Евгением Александровичем Моргуновым я уже была знакома и подошла поздороваться. Надежды угovorить на интервью Вицина не было никакой — все знали, что он не общается с прессой. Но волей случая рядом оказался молодой, но довольно известный журналист из другого издания. Ему очень хотелось мне угодить, а заодно и похвастаться, блеснуть профессиональными качествами. И он сказал: "Спорим, я умолаю Вицина!"